Оборотень по объявлению. Майконг

Автор:
Наталья Буланова

Оборотень по объявлению. Майконг

Наталья Буланова

Оборотень по объявлению #7

Когда встречаются девушка с тяжелой судьбой и оборотень, чей зверь просто огромен, – жди беды. От нее зависит будущее сестры, от него – всего мира сверхов. Им никак нельзя быть вместе! Но что же делать с притяжением истинной пары?

Наталья Буланова

Оборотень по объявлению. Майконг

Глава 1

Света

Я подняла сварочную маску на лоб козырьком и устроилась на трубе поудобней. Высоко, ешкин кот! И что за шум? Меня кто-то звал или показалось?

– Свет, телефон разрывается уже десять минут! Может, случилось что? – крикнул слесарь Сеня снизу.

Я резко повернулась, задела маской другую трубу, сварочная защита слетела с головы. Только не это!

Забиралась я на пятиметровую конструкцию долго, а вот слетела вниз за несколько секунд. Только бы уцелела! Да не я, а маска!

– Эй, ты там давай осторожней! – Сеня попятился, давая мне спрыгнуть.

– Ты же крепкая, ты выдержишь… – шептала я, не сводя глаз с лежащей на земле маски.

Треснутое зеленое стекло обзорного окна поймало луч света, и я запнулась.

– Твоя мама звонит! – протянул телефон Сеня, пока я медленно опускалась на корточки.

Я взяла телефон и маску в руки одновременно.

– Игнорируешь меня? – взвизгнул мобильный голосом мамы, и уголки моих губ поползли вверх.

Я провела пальцем по разлому, по затертым кнопкам внутри маски и приложила ее к лицу, глядя через зеленое стекло. Теперь мир вокруг был поделен на неравные части.

– Что-то с Юлей? – Мой голос прозвучал немного приглушенно.

– Только о сестре беспокоишься? Мать тебя совершенно не волнует? Полку не прибила, плинтус отходит, кран течет! И скажи: почему не оставила мне денег на маникюр? Три раза напомнила!

Я посмотрела на свои руки. Через аметистовое стекло они казались очень даже ничего – ни мозолей не видно, ни кровавых заусенцев.

– Нету. – Я издала губами совершенно некрасивый пукающий звук и сняла маску. Руки повернула так, чтобы не видеть своих пальцев.

– Вынуждаешь мать бомжихой ходить? Не стыдно? – Я так и видела, как мама оскорбленно задрала подбородок.

Я широко улыбнулась и боковым ползунком уменьшила громкость микрофона. Убрала телефон в карман спецовки и провела рукой по неожиданно мокрой щеке.

– Плачешь, что ль? Да хорош! – Сеня открутил крышку от бутылки воды и жадно отпил, протянул мне.

– Дождь, наверное. – Я подняла голову и выставила язык, будто хотела поймать капельку влаги, как в детстве. – Как твои малыши? Как жена?

– А? Да все хорошо… Свет, тут моя Ленка тебе платья передала! Говорит, что поправилась, больше не влезает. – Слесарь увидел, что я открыла рот для возражения, и тут же добавил: – Если не возьмешь, то я на помойку отнесу. Моя новый комод купила, вещи не помещаются.

– Ну, если так, то Юльке заберу. Вырастет, может, наденет. – Я прижала маску к груди и закрутилась вокруг оси, будто в бальном платье. Сделала реверанс: – Благодарю.

А, нет, надо было как джентльмен прижать руку к груди, а второй рукой – с маской, будто со шляпой, отвесить поклон. Кто-то забыл, кто в семье кормилец, а кто красотка.

– Вот и правильно. Я не очень в этом разбираюсь, но жена говорит, что фасон вечный. Ты тоже надела бы, а то никогда на тебе юбки не видел. Хорошо хоть, волосы на месте!

Я вытащила русую косу из-под ворота спецовки. Потрепала кончик, похожий на беличье ушко.

– Отцу нравилась коса. – Я прижала маску крепче, чувствуя, будто трещины не по стеклу пошли, а по душе.

Сеня почесал затылок и махнул рукой в сторону огромного железного контейнера, который заменял и раздевалку, и столовую, а иногда и зону отдыха.

– Я пакет в бытовке оставил! Все уже переоделись и уехали, так что разбирайся спокойно. А я домой, голодный как собака! – Сеня покосился на мои руки и поджал губы. – И это… Начальству передам, что ты согласна на новую маску.

***

И как только в этом ходят по своей воле? Последний раз надевала платье лет десять назад на выпускном в начальной школе.

Я со скрипом души поправила перекрученную ткань на талии и вышла из метро.

– Папа, смотри, тетя в платье и в кроссовках! – Малыш лет четырех наступил мне на потрепанный мысок из уже серого кожзама и испуганно подпрыгнул на месте. Смотрел он на меня как на огнедышащего дракона – будто вот-вот пульну огнем – и очень этого ждал.

– Просто это очень современная тетя! Простите его, девушка, – раскаялся за двоих молодой отец.

– Ничего. – Я подмигнула мальчику и достала из пакета, словно зайца из шляпы, сварочную маску. – Просто я ничего не понимаю в моде!

Городские стиляги действительно давно отправили туфельки на пыльную полку и надели кеды под платья и юбки, вот только не такие толстые, поролоновые, обшарпанные, как были на мне. Ни одна модница не вышла бы в таком виде из дома, даже под страхом смертной казни. Но то они, а то – я.

– Ого! Смотри, пап, это же маска железного человека! – Пацаненок вцепился отцу в штанину и открыл рот.

– Почти, герой! Это маска железной леди! – Я отправила сварочную маску назад к мокрым джинсам и футболке, завернутым плотно, чтобы не промочить переданные для Юли вещи.

Пить чай в бытовке было ошибкой, но горло так и жгло после маминого звонка. Хотелось ошпарить себя кипятком изнутри, а получилось снаружи – все оказалось на моей одежде. Надеюсь, Юлька меня простит, что я надела ее будущее платье? Не голой же домой ехать, в конце-то концов.

Считая про себя ступеньки вниз на улице, я почувствовала, как подол за что-то зацепился.

– Извините, можете посмотреть на меня всего секунду?

– Да, что такое? – ответила я прежде, чем остановила взгляд на говорившем.

И моргнула от удивления.

Ошеломительной красоты брюнет! Такие на билбордах трусы рекламируют и разбивают сердца девушек нетрадиционной ориентацией. Он что, поспорил с друзьями? Другой причины хватать меня за подол не вижу.

Я сделала шаг назад, и ткань платья слегка натянулась между нами.

Почему не отпускает? Забыл? Смотрит так пронзительно: голубые глаза будто наливаются синевой под темными дугами бровей, выразительный нос раздувается, выдающийся подбородок словно становится еще более массивным.

Да у него отпечаток на лбу: я царь, просто царь. Холодный и неприступный типаж – и вдруг прицепился ко мне. Выдал:

– Мы же виделись раньше. – Его рука сжала ткань василькового платья еще сильнее. Если до этого он держал только двумя пальцами, то сейчас зажал в кулак.

Я так и не поняла, это был вопрос или утверждение. Произнес с такой интонацией, будто отрицал. Странный он, и именно потому я еще не вырвала свое платье из его рук.

Если это пранк или на спор, то лучше разделаться с ним сейчас, осадить на месте.

– Нет, не думаю. Вы меня с кем-то перепутали. – Я сделала шаг в сторону, собираясь идти прочь. – Простите, я спешу.

– Остановитесь на секунду, пожалуйста! – Край юбки все еще был в руках незнакомца, и синяя ткань платья натянулась до предела.

– Зачем? – Я дернула юбку обратно, мужчина сжал кулак с тканью еще крепче.

Я переложила пакет в другую руку. Маска у меня тяжелая, если что! Хотя жалко ее, пусть и треснула. Память.

– Я потерялся! – Проникновенный взгляд синих глаз, обрамленных черными ресницами, зацепил словно рыболовный крючок. В нем была какая-то невысказанная нужда, просьба. Если он с таким лицом разводит, то ему прямая дорога в главный театр страны!

Правда заблудился? Может, поэтому такой отчаянный? Первый раз ножками по городу, забыл даже про возможности смартфона? Или ищет то, чего не найти в интернете?

– Куда вам нужно попасть? – Я повернулась к офисному центру рядом и пробежалась взглядом по этажам.

– Мне нужно в любое место, подальше от вас. Вы свободны сегодня вечером?

Что?!

Майконг

Майконг проходил мимо сотен женщин в день, не задерживаясь ни на секунду. Скользил взглядом по лицам будто по дороге из щебенки, где камни были похожи между собой своей природой и серостью. Но когда увидел ее, то не смог оторвать взгляд.

Образ решительной девушки, будто коварная стена гробницы фараона, сбил его с ног и сдавил. Воздух вышел из легких. Майконг посмотрел в зеленые глаза и почувствовал, словно пол пропал под ногами и он летит на заостренные пики неизведанных эмоций.

Что это? Почему она кажется такой знакомой? Может, это платье он уже видел на ком-то значимом? Может, этот аромат витал в знаковом моменте, поэтому запомнился? Может, они уже встречались?

Русая коса толщиной в руку была переброшена через хрупкое плечо. Походка плавная, но такая решительная, что только отчаянный остановит. Выразительные ямки ключиц, тонкая талия, округлые бедра – да от нее несло сексуальной привлекательностью за километр. Вот только энергетика, что-то неуловимое вокруг незнакомки, быстрый взгляд так и говорили – не подходи!

Девушка приближалась, даже не смотря на Майконга, и саванный лис испытал недовольство: почему она и не взглянет на него? Хотя бы на мгновение!

Да, Майконг знал, что сейчас нельзя отвлекаться! Да. Этот тест на контроль зверя нужно пройти любой ценой. Да-да-да…

Шаг за шагом расстояние между незнакомкой и ним уменьшалось, и саванный лис замедлился, борясь с желанием привлечь внимание девушки. Он же красавчик, почему она не видит его, когда он рассмотрел даже ее веснушки на щеках?

Желание перекрыть ей дорогу поставило Майконга в тупик. Зачем ему это? Сейчас нельзя! Это так не вовремя! Но так хочется хоть на секунду поймать ее взгляд, пусть и недоумевающий.

Незнакомка поравнялась с Майконгом, и его сердце пропустило удар. Она же шла дальше как ни в чем не бывало.

Майконг вытянул руку и сумел дотянуться кончиками пальцев до ее платья. Не мог ее отпустить.

Знал, что сейчас главы кланов оборотней следят за ним по камерам. Знал, что мирное соглашение зависит от того, не натворит ли его зверь снова армагеддец. Знал, но не мог с собой ничего поделать.

– Извините, можете посмотреть на меня всего секунду? – Майконг соврал. Это была просьба смотреть на него вечность. Только на него.

Девушка подняла взгляд, и ткань платья чуть не выскользнула из пальцев Майконга.

– Да? Что такое? – абсолютно невозмутимо спросила незнакомка высоким голосом. Таким знакомым, будто принадлежал лучшему другу, узнаваемым из тысячи.

Черное кольцо вокруг зеленой радужки глаз делало ее взгляд гипнотическим. Чем больше смотришь, тем больше растворяешься. Будто тебя затягивает, и с каждой секундой обладательница этих омутов кажется все привлекательней и привлекательней.

– Мы же виделись раньше. – Майконг внезапно охрип.

Оборотень засмотрелся в зеленые глаза с приподнятыми внешними уголками и почувствовал силу духа этой девушки от одного ответного взгляда, полного протеста. Она просто нереальная. На такую мужчины часто смотрят и понимают, что она им не по зубам. Что у нее просто железные бубенчики, которые она снимет, чтобы протрезвонить мелодию твоего провала.

А Майконгу всегда нравились милашки. Нежные создания, ласковые, с томным взглядом. Тогда что с ним происходит сейчас?

– Нет, не думаю. – Девушка попыталась вырвать свое платье из лап оборотня, и зверь внутри тихо зарычал.

По телу Майконга пошла дрожь.

Нельзя! У него тест, от которого зависит не только его будущее, но и отношения людей и оборотней! Майконг со своим зверем и так являлся причиной того, что

среди людей появилась сильная противоборствующая сила. Теперь Майконгу нужно убедить всех, что опасности нет. А рядом с ней его зверь просыпается, даже напоенный убойными успокоительными. Что же будет, когда он очнется?

Им нельзя встречаться.

– Вы меня с кем-то перепутали. – Незнакомка равнодушно пробежалась взглядом по Майконгу и разочарованно выдохнула. Попыталась уйти, но платье угрожающе затрещало по швам.

Зверь пустил силу по мышцам, и только действие лекарств не позволило ему взять верх и показаться во всей огромной красе прямо здесь. Весь год тренировки, мать твою, в городскую канализацию!

Саванный лис подумал, что все дело в одуряющей смеси сексуальной фигуры, танцующей походки, симпатичного лица и невероятно решительного духа. Таким девушкам обычно хочется смотреть вслед, но что он делает, преграждая ей путь? Может, принял слишком много лекарств, чтобы не накосячить? Что ж, получил обратный эффект!

А может, просто долго воздерживался, боясь, что зверь сорвется?

Че-е-ерт, а она явно хочет уйти. Отворачивается, и все в оборотне просто звереет.

– Остановитесь на секунду, пожалуйста! – слова тактичные, но тон… Ох, тон…

Он очень злился. Ра-зо-ча-ро-ван-но выдохнула, мать твою! В отношении Майконга еще никто так не выдыхал!

– Зачем? – Девушка попыталась отобрать у оборотня подол своего платья, сурово поджимая губы. Она смотрела так, будто сейчас чем-то треснет.

Глубокое чувство неудовлетворенности свалилось на оборотня древней колонной, заставило задохнуться пылью глухого чувства потери. Холод выдавленной улыбки свел на нет все действие успокоительных лекарств, и зверь стегнул хлыстом ярости по мышцам.

Нет! Только не обернуться бы!

Если любой другой оборотень перевоплотится – он будет просто зверем в городе. А если Майконг – он будет монстром на улицах мегаполиса.

Саванный лис закрыл глаза, жадно вдохнул воздух и почувствовал аромат девушки. Ее настоящий фруктовый запах тела смешался с запахом железа и странно подействовал на зверя – тот притих.

– Я потерялся! – Майконг отчаянно пытался разглядеть в лице девушки хоть какой-то интерес.

А она невероятно быстро взяла себя в руки и обвела взглядом здание рядом, кивнула:

– Куда вам нужно попасть?

Майконг вдруг понял, что это тупик. Не зря мужское чутье подсказывало не становиться у нее на пути. Она стирает в порошок весь год самоконтроля и дрессировки внезапно выросшего зверя. Им никак нельзя находиться рядом.

– Мне нужно в любое место, подальше от вас. – От тихих слов Майконга его зверь напрыгнул на стенку клетки самоконтроля и принялся гнуть моральные прутья так, что оборотень вдруг дополнил: – Вы свободны сегодня вечером?

Света

Неожиданно громкий звук клаксона заставил вздрогнуть. По полосам несся красный экскурсионный автобус и сигналил что есть мочи, играя в дорожные шашки.

Светофор загорелся красным, но огромная машина продолжала движение, оглашая округу почти паровозным гудком, пробирающим до дрожи.

– О нет, – прошептала я.

– Нет, – на выдохе заметил незнакомец.

Автобус пролетел перекресток, чудом избежав аварии, но за ним тут же лоб в лоб встретились два автомобиля. Звук металлического поцелуя поглотил очередной сигнал клаксона.

– Он без тормозов. – Незнакомец отпустил мое платье.

– Отказали тормоза, – одновременно с брюнетом прошептала я.

Ученые говорят, что время относительно, что оно течет по-разному, и сейчас я полностью в этом убедилась. Машины застыли, как и люди. Словно в замедленной съемке я видела глаза пассажиров, полные ужаса. В них читалось понимание того, что сейчас произойдет.

Автобус не впишется в поворот. Перевернется на бок.

Но никто и подумать не мог, что его так опрокинет и протащит по дороге прямо в столб.

Незнакомец рванул с места первым, а я побежала за ним. Быстрый какой – не догонишь! А ведь у меня были медали по легкой атлетике. Когда-то.

Брюнет бросился по самому короткому пути прямо через полосы. Клянусь, он даже не посмотрел, что машины замерли со всех сторон. Бессмертный!

Да и я тоже, похоже, с девятью жизнями, потому что бежала за ним.

И если до этого время тянулось медленно, то с момента, как мы оказались у автобуса, похожего на жеваную железную сосиску, часики побежали как бешеные.

Я так и слышала в ушах тиканье секунд чьей-то жизни.

Но какая же я была медленная по сравнению с незнакомцем. Какая же слабая! В один момент мне даже показалось, что он приподнял автобус, чтобы достать человека, чьи ноги зажало махиной.

А в следующий миг он уже запрыгнул на бок автобуса и стал вытаскивать за руки людей сквозь рамы разбитых окон, а я внизу помогала спускать.

Люди рыдали, орали, лезли друг по другу и сеяли панику:

– Сейчас рванет! Быстрее, быстрее!

Я посмотрела на незнакомца. Почему-то казалось, что он точно знает, рванет или нет, больно уверенно действовал и успокаивал:

– Пока не рванет. Без паники!

Кто он? Военный? Полицейский? Так четко и самоотверженно себя ведет.

Я приняла на руки девочку лет десяти, так похожую на Юльку, что сердце на секунду чуть не остановилось. Божечки, как страшно-то! Но им страшнее!

Пакет с вещами и маской мешался на руке, поэтому я скинула его, помогая выбраться пожилой женщине.

– Там беременная внутри, ей зажало ногу! – схватила меня пассажирка автобуса за локоть, перед тем как уйти.

Я подняла голову и заметила тень, запрыгнувшую внутрь искореженного салона.

Сможет брюнет ей помочь? А что, если нужна помощь двоих?

Я обернулась по сторонам, но все очевидцы оказывали помощь пострадавшим. Несколько мужчин что-то кричали мне…

Что они там орут?

Что сейчас взорвется?!

О нет! Мы еще не всех достали! А как же беременная женщина? А как же незнакомец?

Их все не было и не было видно.

Я никогда не была трусливой. Для меня было проще получить шваброй судьбы по морде, чем потом жалеть, что не сделала. И пусть риск невероятный, я просто не могу сдать назад. Не могу отойти, если есть шанс, что именно я могла помочь.

– Подсадите меня! – крикнула я тоном, от которого мужчины всегда быстро собирались. По крайней мере, у меня на работе. Уж с как с мужиками общаться, я усвоила давно.

– Куда? Сейчас рванет! – Мужчина в теле явно хотел проучить глупую девчонку, то есть меня, но встретился с моим взглядом и запнулся.

– Подсадите и уходите! Быстро! – скомандовала я. – Мое тело – мое дело.

Тут же оказалась наверху и, не мешкая ни секунды, прыгнула в окно.

Салон автобуса узнавался с трудом. Сиденья изогнуло, крепления вывернуло неприглядной изнанкой, а где-то в глубине тихо скулила женщина.

Я услышала скрежет металла, такой знакомый по работе, будто кто-то гнул голыми руками железо. Скулеж стих, а потом раздался шорох, и из заваленного ряда сидений выкарабкалась девушка, придерживая небольшой живот.

Из передней части автобуса снова раздался скрежет железа, и женщина обернулась. Ее глаза были с половину лица от шока, а рот то и дело хватал воздух. Животик у нее был небольшой, кровотечения на вид не было заметно, но это не значило, что она и малыш в безопасности.

Я сложила руки замком и без колебаний скомандовала:

– Наступайте. Там мужчины, вас спустят!

Женщине не пришлось повторять дважды. Скоро ее ножка оказалась на железном боку автобуса, который сейчас служил дырявой крышей, а потом ее

быстро спустили на землю.

С носа автобуса снова донесся странный скрежет.

– Эй, герой! Надо выбираться отсюда! – крикнула я, обхватив руками сиденья и приподнявшись, чтобы разглядеть, что там происходит.

Ничего не понятно!

Я пробралась вперед и увидела, что мужчине зажало торс так, что он не мог выбраться. Видимо, спасение беременной вышло ему боком.

– Ох, как же так? Подожди, я сейчас! – Я кое-как пробиралась ближе, когда вдруг мужчина крикнул:

– Не подходи! Живо выметайся!

Я молча продолжала лезть к нему.

– Ушла, я сказал! – рычал он.

– Не трать кислород. А то легкие схлопнутся – так орешь! – рыкнула в ответ.

На несколько секунд повисла тишина, а у незнакомца выражение лица стало такое, что я обязательно рассмеялась бы, если бы не острота ситуации. Хотя что мешает?

– Сейчас помогу! – Я нервно улыбнулась.

А потом на миг оглушил хлопок в хвосте автобуса. Я машинально пригнулась, а спину запекло.

Автобус загорелся! Теперь время идет даже не на минуты – на секунды. От дыма мы можем задохнуться раньше, чем до нас доберется огонь.

– Я тут! – Я оказалась перед брюнетом.

– Я сказал тебе убираться! – Он был злой как черт. Казалось, его просто коротило от напряжения.

– Только с тобой! – Я взялась за железку, которая зажала мужчину, и тут вдруг стало происходить неладное. Воздух словно задрожал, и зажатым уже оказался огромный зверь.

Он сломал железные прутья, откинул сиденья в разные стороны одним только своим появлением, а я, похоже, наглоталась дыма до галлюцинаций.

Я пришла в себя оттого, что за шиворот лилась вода.

Ай! Что такое?

Я резко села и зажмурилась от головокружения, а потом медленно приоткрыла глаза. Где я? Что произошло?

Мегаполис громко дышал, а незнакомые лица вокруг пугали сосредоточенностью. Ко мне склонилась женщина с бутылкой воды, у нее по виску текла кровь.

Авария. Автобус. Зверь.

Под ладонью мягким ковром расстилалась трава. Я сидела на зеленой полосе между дорогами, а вокруг все суетились, словно мыши.

Я завертела головой, подтянула под себя ноги и вскочила на них, чтобы лучше видеть.

– Где зверь?

– Какой зверь?

– Огромный такой, с половину автобуса!

Подошел мужчина и покачал головой:

– Крепко ударилась. Всех спасла, а сама пострадала.

Был же зверь! Как наяву помню огромную заостренную морду и осмысленный взгляд. А еще то, как животное погнуло железо. Это создание появилось на месте человека…

Я посмотрела на окружающих и поняла, что никто больше не рассказывает историй о невероятном звере, что выскочил из автобуса. Но как-то же я оказалась на земле? Кто-то меня вытащил?

Даже если мне привиделось, даже если я надышалась дыма, я здесь.

– Брюнет! Где тот мужчина, что вытаскивал людей со мной? – Мне почему-то казалось очень важным узнать, где он.

Тот, кто превращается в зверя. Моя дымовая галлюцинация.

Мужчина помрачнел. Женщина, которая привела меня в себя водой, посмотрела за мою спину.

Я обернулась и увидела полыхающий автобус.

– Он там? – еле выдавила из себя вопрос, чувствуя смятение.

Мужчина в недоумении развел руками.

– Никто его не видел. Теперь только пожарные скажут, остался он там или нет.

Женщина всхлипнула:

– Так жалко. Такой молодой. Такой красивый. Такой смелый. Хоть вы живы, девушка!

Скорая и пожарные подъехали одновременно. Значит, не так уж много времени я была без сознания.

– А кто меня вытащил? – Я перевела взгляд с мужчины на женщину и обратно.

– Не знаю, – покачала головой пассажирка автобуса, а очевидец тяжело вздохнул.

В этот момент с другой стороны улицы с пробуксовкой стартанул черный тонированный автобус с надписью «Ритуал».

***

Домой я добралась затемно, совершенно разбитая. Постучалась в дверь, потому что так и не нашла свой пакет с вещами, маской, телефоном и ключом.

– Ты где была? Время видела? – Мама открыла дверь резко, обдала ледяным взглядом с головы до ног и оскорбленно отступила в квартиру.

Пока я снимала кроссовки, так и чувствовала ее щупающий взгляд. Знала – сейчас рванет, но не ощущала в себе ни малейшей силенки нейтрализовать гневный запал.

– Новое платье! Приперлась под ночь, коса растрепана! Ты себя в зеркало видела? – Глаза мамы вылезали из орбит.

Конечно, такая вечно приходящая по часам я, и вдруг…

Я вернулась бы раньше, но не могла уйти, пока не узнала от пожарников, что внутри никого не было.

– Мне все равно, как я выгляжу. – Я равнодушно открыла дверь в нашу с сестрой комнату, но тут же была притянула назад за плечо.

– Я с тобой разговариваю, негодяйка! Где твой телефон? Где ключи? С кем ты кувыркалась, что все на свете забыла?

Я повернулась, глубоко вздохнула, понимая, что без объяснений просто не смогу нормально поспать:

– Мам, случилась…

– Ты еще помнишь, что у тебя есть сестра? А мать? Юльке на форму не хватает, а ты щеголяешь в обновках. Или хахаль подарил?

– Я облила…

– Не смей заводить интрижки! Думаешь, найдешь мужика, которому мы с твоей сестрой нужны будем? А ты? Уже говорила ему, что не умеешь готовить? Что у тебя на шее два иждивенца?

Я подавилась объяснением, глядя на мать во все глаза.

А ведь клялась себе, что меня больше не заденут ее слова. Божилась, что больше не буду поддаваться на ее манипуляционные замашки. Обещала себе, что ради себя и Юльки смогу отгородиться от нее равнодушием и иронией.

Но сегодня все мои стены были хлипкими и шатались от ветра материнской критики. В них появлялись дыры с каждым упреком, и теперь они больше походили на решето.

– Глянь-ка, кольцо! – Мама вдруг схватила меня за левую руку и подняла ее к лицу. – А ну, снимай!

На моем безымянном пальце сверкнуло серым ободком широкое кольцо.

Откуда оно появилось на моей руке?!

Глава 2

Майконг

Почти все мужчины уверенно скажут, что им нравятся нежные чуткие создания с доброй улыбкой, понимающим взглядом и любящим сердцем. И ни один из них не признается, что его сердце забилось чаще после того, как на него как следует гаркнули.

Но именно так и произошло с Майконгом.

Во время спасения пассажиров автобуса саванный лис то и дело жадно впитывал эмоции девушки и был в конце добит в самую звериную суть. Помогая людям выбраться, оборотень только казался отрешенным, на самом деле он просто не мог остановиться и считывал эмоции девушки в синем платье. Максимальную собранность, когда она помогала старушке. Участливое выражение лица, когда поймала на руки сломавшую кисть девочку-подростка. Злость на молодого мужчину, который оттолкнул пенсионерку и выпрыгнул первым. Откровенную радость, что беременная женщина выбралась живой. Но больше всего Майконгу понравилось, как она беспокоилась за него и крикнула на него в сердцах. В этот момент в глазах незнакомки было такое непоколебимое желание помочь любой ценой, что внутри оборотня все свело. Эта хрупкая девушка силой воли могла потягаться с любым главой оборотней. Глядя в ее глаза, Майконг даже забыл на миг, что сейчас все рванет.

Зато зверь не забыл. Погнул прутья самоконтроля в один миг и выбрался, стоило полыхнуть в хвосте автобуса. И плевать на тест, плевать на мир сверхов, плевать на себя. Ее бы спасти!

Железо стало мягким, как бутоны розы. Кресла расплющило, выпотрошило поролоновым дождем, раскатало по стенам. Даже дым пугливо убежал назад, не смея подходить к зверю, зависшему над девушкой.

Майконг чуть не наступил ей на плечо, двигая железо. Чуть не раздавил ее хрупкие кости, но даже испуг не заставил зверя обернуться в человека.

Девушка лежала между его лап, а Майконг даже не мог ее спасти!

Попробовал потянуть за платье и понял, что оно порвется. Попытался захватить лапой и чуть не распорол кожу когтями. Он рычал от бессилия и никак не мог обернуться.

Опять застрял в звере, как тогда.

Дым снова попытался пробраться, и зверь мощным фырком отогнал его прочь.

Он должен найти выход. Языки пламени скоро будут лизать его лапы.

И Майконг ударил лапой по крыше автобуса, делая в ней дыру. Вот так, отлично, боковой ход есть!

– Твою лисью маму! – В дыре показалось лицо Никса, его хорошего друга и командира спецотряда лис. – Ты хоть понимаешь, что происходит?

Никс посмотрел на девушку, потом на зверя и со всей силы стукнул кулаком по железу автобуса от бессильной злости.

– Дружище, если ты не обернешься обратно, тебя спалят здесь вместе с ней и со мной! Бери свою пушистую задницу в руки и натяни на себя вот это!

Никс кинул в зверя свертком с черной одеждой, какая была и на нем, и напряженно застыл, прошептав:

– Зверю отсюда не дадут выбраться, Майк. Там слишком много людей.

***

Раньше Майконг очень гордился своим уникальным зверем и именем нарицательным. Одно терпеть не мог – когда его путали с шакалом. Саванный лис – это вам не пес-падальщик, это единственный представитель своего рода. Все ближайшие родственники этого вида вымерли, и Майконг раньше с удовольствием выпячивал свою уникальную натуру напоказ. Тем более цвет его зверя был не как у всех саванных лисов – он был весь палевый, а по хребту шла черная полоса. Неплохой повод для гордости, не правда ли?

Майконг кичился этим, пока на пути не появился один хитросделанный кошак. Леон нагадил каждому своему противнику, бил по самому больному месту. Например, Никсу, лучшему другу Майконга, он нагло врал, что истинная командира беременна от самого Леона. Дмитрию, главе клане гибридов, сказал,

что заменил его дочь на подделку. На глазах Макса, главы клана лис, он пустил пулю в любимую. И только к Майконгу он не знал, как подобраться, но все-таки нашел его слабость. Его зверя.

Леон сделал животную половину Майконга воистину огромной. Настолько, что ее невозможно было контролировать, невозможно спокойно бегать по лесу, невозможно жить, не подвергая риску других оборотней. Но Майконг не был бы собой, если бы так легко сдался. Саванный лис старался изо всех сил совладать со зверем и не подставлять сверхов, но все равно проигрывал.

После того как не стало МСО – межкланового совета оборотней, у руля встали главы кланов. И вроде бы все шло хорошо, пока Майконг не обернулся в монстра прямо в баре на глазах у людей. Мировая контрольная служба оборотней приехала устранять его всего через пару часов, и тогда главы всех столичных кланов встали за него горой. Поклялись своей жизнью, что Майконг справится.

А он не справился. Провалил тест. И что самое поганое, сейчас его пугает не то, что головы глав полетят вместе с его собственной, а то, что эта девушка в синем платье наглотается дыма так, что не сможет жить после его смерти. Пугало до дрожи, до мурашек, до звериной икоты.

Лапы медленно, очень медленно, стали превращаться в руки. Просто мучительно долго.

Майконг зарычал от боли, как бывало всегда после «обновления». Превращение обратно в человека было сравнимо с десятью переломами и парочкой огнестрельных.

– Вот так, молодец, дружище! Ты сможешь! – Никс внимательно следил за тем, как Майконг становится человеком. – А теперь прыгай в одежду, балаклаву на голову и спасай наши задницы!

Майконг не думал о задницах ни друга, ни глав кланов. Он думал об одной, одновременно мягкой и упругой, под синим платьем. Уверен, она была именно такой.

Лисы прикрывали его выход из автобуса с ношей на руках.

– Ты не можешь взять ее с собой. – Никс положил руку Майконгу на плечо.

– Знаю, – процедил сквозь зубы саванный лис и посмотрел на лицо девушки.

Зверь снова собрался наружу. Он не планировал оставлять ее.

– Майк, ты сможешь найти ее, когда справишься со зверем. Нельзя привязывать к себе девушку, если ей могут принести твою голову, верно?

Майконг с трудом положил девушку на зеленую полосу газона, но не мог оторвать от нее рук.

Зверь вернет контроль, если он выпустит ее из рук.

– Майк?

– Не могу, – глухо произнес саванный лис.

Майконг закрыл глаза, представил всех глав кланов, которые за него поручились, которые верили в него, и покачал головой.

– Не могу, – снова выдавил он из себя.

– Твой зверь всегда ее найдет. Просто оставь с ней что-нибудь… Пометь ее, в конце концов. Так ты успокоишь зверя и сможешь уйти. – Никс подал дурную идею, но зверь довольно зарычал.

– Нет! – Майк не мог представить, как коснется зубами ее нежной кожи. Этот ритуал давно канул в лету, ни один современный оборотень так не делает, разве что за исключением главы клана лис и его истинной медоедки. И дело даже не в том, что Майк не хочет, он просто может не сдержать силу зверя и навредить незнакомке.

Взгляд Майконга упал на кольцо на кармане черной формы для крепежа карабинов. Что, если он его раскатает и превратит в кольцо-обещание? Это усмирит его зверя?

Света

– Так вот что случилось! – Юлька протянула ко мне руку со своего раздвижного кресла-кровати.

Старенькая софа скрипнула подо мной, пока я поворачивалась, чтобы погладить сестру по пальцам.

– Прости, я потеряла твои платья на вырост. Но ничего, я заработаю и куплю тебе новые.

– Ты же копишь на прохождение экзамена в НАКС! Мне не нужны платья. – Юлька быстро спрятала руку под одеялом, словно черепаха голову в панцирь.

А я снова потрогала кольцо на безымянном пальце и попыталась его снять. Вот зараза! Никак!

Сколько бы я ни пыталась – все тщетно. И с мылом, и с маслом – нулевой результат. Его будто кто-то сжал круговыми тисками на моем пальце так, что оно даже с трудом крутилось.

Юлька недовольно засопела в ожидании моего ответа, и я сказала:

– У человека должна быть мечта? Дай мне помечтать подольше! Я из шестидесяти тысяч накопила девять. Кажется, это ближе к новому платью, чем к экзамену.

– Свет, а правда, что если ты получишь удостоверение НАКС, то будешь получать больше? – тихим шепотом, так, чтобы не услышала мама из соседней комнаты, спросила сестра.

Эх, если бы не Юлька, я бы никогда не позволила так на себе ездить. Но чем старше становилась сестра, тем чаще я злилась на мать. Да, она готовила и кормила нас, не давала мне и шагу ступить на кухню. Да, она всегда водила Юльку в школу и забирала. Но той уже десять, она давно просится ходить сама, как одноклассники.

– С этим удостоверением можно устроиться на хорошую работу. Но туда еще надо попасть. Знаешь ли, к девушкам в моей профессии относятся очень предвзято.

– А ты никогда не думала сменить ее?

– Нет. Никогда.

– Из-за папы?

Я промолчала.

Сварочную маску я тоже потеряла. И пусть стекло треснуло, пусть ее давно надо было менять, я жутко горевала о вещи, которая осталась от отца. Это память. Я положила бы ее в ящик и доставала, когда маму особенно заносит. Как сейчас. Когда хочется послать ее лесом, громко хлопнуть дверью и сказать, что все ее болячки – выдуманные.

Я достала бы маску и, как всегда, вспомнила отца, которого нет с нами уже почти одиннадцать лет. И повторила бы клятву, однажды данную самой себе: я не позволю свести себя в могилу, как отца.

Еще чуть-чуть продержаться. Совсем скоро Юлька сможет добираться до школы на автобусе, оставаться одна дома. Тогда я поставлю матери ультиматум.

– Юль, давай спать. Завтра у тебя контрольная по математике.

Засыпая тем вечером, я и понятия не имела, через что мы пройдем утром.

Будильник тихо запел. Я открыла глаза, потянулась, встала и пошла умываться. Состояние было такое, будто я пила всю ночь, – совершенно измотанное. Но когда я увидела себя в зеркало ванной, испытала настоящее потрясение.

– Мама?! – Я еще никогда так не орала.

Моя коса, такая любимая отцом коса, была отрезана.

Юлька выскочила из комнаты, сонно протирая глаза:

– Что случилось?

Я увидела сестру и схватилась рукой за умывальник.

– Свет, а что с твоими волосами? Ой, а что с моими? – Юлина нижняя губа затряслась от приближающегося извержения слез.

Мама медленно выплыла из своей комнаты, сложив руки на груди.

– Я просто избавилась от лишнего. Ребенку нужны колготки, а нам продукты.

И так подушечками пальцев о локти постучала и в мою сторону мстительно посмотрела, что я почему-то сразу вспомнила ее претензию про маникюр.

Голова закружилась от чувства невероятности происходящего. Мама не могла так поступить! Не могла же? Но поступила!

Мама. Ма-ма. Ма-а-а…

Внутри меня в этот момент что-то надломилось. Я не узнала собственного голоса, когда сказала:

– Юля, собирайся. Ты больше ни на минуту не останешься с этой сумасшедшей.

***

– Как хотите подстричься? – Мастер в салоне красоты растерянно переводила взгляд с зареванного Юлькиного лица в зеркале на меня, стоящую рядом с креслом.

– Юль, а помнишь, ты хотела по-модному – ассиметричное каре? – нашлась я.

Сестренка всхлипнула. Она еще не отошла от ужасной истерики, устроенной матерью. В ее возрасте она еще только начинала понимать, что мама – это не

всегда самый лучший человек на земле. Что у нее есть свои достоинства и недостатки, свои привычки, свой характер. Я тоже не сразу поняла, что единственный человек, которого мама действительно любит, – она сама.

– Не надо. Давай ты меня лучше дома… сама… – Юлька опустила взгляд.

– Я? Нет! Лечить должен врач, а стричь – парикмахер. Тем более такую красотку, как ты! – Я широко улыбнулась и подмигнула сестре.

Сегодня она прогуляла школу, а я отпросилась с работы. Я просто не могла позволить Юльке получить свою порцию насмешек над внешностью, потому что мама обкромсала волосы так, что стыдно выйти. Да и нам теперь надо найти, где жить.

– Свет, только если ты тоже, – вдруг выставила ультиматум Юлька.

Я не хотела «тоже». Я могла и так – сама ножницами ночью подровняла бы, да и ладно. Волосы отрастут, не зубы, повторяла я себе.

Но каждый раз внутри все дрожало от невыплаканных слез. Как ты могла, мама? Как?

Стоило об этом подумать, как голову вело от дурноты, а я не могла раскисать. Теперь Юлька на мне, у меня миллион нерешенных дел и всего один день отгула. Я никак не могу утонуть в жалости к себе.

Взгляд сестры, который я ловила в зеркале, был очень упрям. Ей сейчас тяжело еще больше, чем мне. Она знала только мать, отца не стало, когда она еще была в животе. Для нее мама – это целый мир. А тут я вытащила ее из него.

Я испытала чувство вины и укол сомнения. Справлюсь ли я? Конечно же, да! У меня просто нет другого выбора! Я смогу.

Оставлять ее с матерью, которая решилась остричь собственного ребенка ради денег, невозможно. На что та пойдет в следующий раз?

Сейчас она почувствовала угрозу своему положению, подумала, что у меня могут начаться отношения, и решила пресечь все на корню. Махровая эгоистка! Ни дня в своей жизни не проработала, постоянно прикрывалась букетом болячек сначала перед отцом, потом передо мной.

Мне было всего шестнадцать, когда я была вынуждена взять папин сварочный аппарат и пойти работать. Мне было шестнадцать, когда надо мной смеялись взрослые дяди-сварщики, ради потехи давая варить болванки. Мне было шестнадцать, когда я принесла первую зарплату.

А сейчас у меня сбережений – девять тысяч, а нам с Юлькой еще надо найти крышу над головой, питаться до аванса.

Какие тут стрижки?

Я еще раз взглянула в лицо сестре и со скрипом души кивнула. Чую, иначе уйдем подранные ножницами вдвоем.

Может, это и хорошо. Говорят, что новая прическа – новая жизнь. Если женщина хочет подстричься, значит, она поменялась внутри.

Я точно уже другая. Эра, когда я позволяла собой манипулировать ради сестры, закончена.

Майконг

– Майконг, ты не можешь. – Никс держал транквилизатор наготове.

Никогда не подумал бы, что будет наставлять его на друга, да еще добровольно, но со зверем Майконга шутки плохи. Он только угомонился и опять психует.

– Я хочу порвать ее мамашу! – Майконг смотрел из окна машины на две жмущиеся друг к дружке фигурки, которые поднимались на крыльцо занюханной гостиницы, и его всего трясло от злости.

– Нельзя, мужик! Это ее мать. Кто знает, может, будущая теща, если тебе повезет укротить зверя.

– В аду я видел таких тещ! С вилами, которые они вставляют в задницы несчастным! Эта дамочка ошиблась местом и открыла филиал преисподней на земле. Она воскрешает во мне все самое плохое. – Рука Майконга мигом превратилась в лапу монстра и черными когтями вскрыла обивку сиденья.

– Держи себя в руках, Майк! Если снова сломаешь мою новенькую машину, я тебе этого не прощу! И вообще, подумай: она ее мать, как ни крути. Света тебя не простит. Разве ты уже не выпустил пар и не дал воли зверю? Мне показалось, что ты лапой пошевелить не мог. Работникам машинной свалки теперь не нужно включать пресс после твоего буйства. Я боялся, ты не придешь в себя.

– Как я мог остаться в звере, когда она в неизвестности? – Майконг дергано заозирался. Где черти носят Антона? Сейчас просто идеальное время!

– Значит, когда главы кланов почти потеряли свои должности, ты мог спокойно сидеть в звере? Ты вообще понимаешь, как нам повезло в этот раз, что, когда ты встретил истинную, перевернулся автобус? Если бы ты не проявил тогда человечность и не спас столько людей, мы все сложили бы головы. Ты полностью провалил тест, мужик! Ты не можешь подойти к ней, у тебя официальный запрет. Нарушишь его – тебя устранят.

– Знаю. Но я могу помочь. Тш-ш! Антон как раз к ним подошел! Наконец-то! – Майконг напрягся и зашипел от боли, когда лапа вновь превратилась в руку. Рукав рваными лоскутами накрыл мощный бицепс

– Думаешь, они поверят невиданной доброте администратора отеля? – Никс скептически покачал головой.

– А что им остается? На те крохи, что у нее в кармане, не снять даже кормушку. Она уже столкнулась с тем, что надо заплатить трехкратную сумму за месячный съем. Весь день мотались, ища варианты, и все твердят одно: одну месячную оплату отдай риелтору, а еще два за этот и следующий месяц аренды. Сейчас она оплатила номер в гостинице, у нее на еду даже на неделю не хватит. Она просто захочет поверить в чудо. После черной полосы непременно наступает белая. – Майконг не сводил глаз с девушки и прошептал: – Девочка, теперь я твоя белая полоса.

Глава 3

Света

Еще никогда я не чувствовала такого бессилия, что хотелось выть на луну. Даже в прошлом, когда мать была особенно в ударе, я всегда знала, что есть выход, есть путь дальше. Но сегодня в один миг я действительно испытала сосущее чувство безысходности.

Мы с сестрой были никому не нужны в этом большом мегаполисе. Он готов был съесть нас, его коренных жителей, и даже не подавиться. Ладно я – я могла поспать где угодно, но не сестра. Забирая ее из дома, я не хотела, чтобы она ютилась по подворотням как бездомная.

Когда мы уходили от мамы, она не беспокоилась о нас. Она кричала: «Ты подумала, на что я буду жить?» Тогда я убедилась, что поступаю правильно, и наконец сказала то, что всегда мечтала сказать: «Иди работать!»

Но теперь я засомневалась: а не была ли я эгоистична? А подумала ли я как следует?

Три месяца арендной платы за съем. Сразу! Да где же мне столько взять?

«Залезу в долги!» – решила я. Но время уже клонилось к ночи, нужно было где-то ночевать. У всех моих знакомых мы с Юлькой сидели бы на потолке – им и самим тесно. Это был не выход, и гостиница пушечным ядром проделала огромную дыру в моем кармане.

– Свет, я давно хотела попробовать лапшу с беконом и сыром! – Юлька так светло мне улыбалась и так нагло врала, что я прижала ее к себе.

Мы возвращались из магазина, где купили лапшу быстрого приготовления. Чайник у нас в номере был, перебьемся. И милая сестренка пыталась сделать все, чтобы подбодрить меня, зная, что я переживаю за то, что кормлю ее гадостью.

Мама всегда готовила правильную пищу, а я… Я не умею готовить. Но научусь, клянусь святым электродом, научусь!

Мы поднимались на крыльцо гостиницы, когда администратор вышел, громко разговаривая по телефону:

– Нет, не могу я присмотреть! У меня три сурикатa! Они сгрызут твой новенький ремонт в хлам. Отдать их в приют? С ума сошел? Это пусть твоя квартира стоит пустая, ничего с ней не случится! Что? Фикусы Бенджамина? Деревья твои в кадках? Что я должен делать? Да ты сдурел! Я не из ботанического сада, если ты помнишь! Сколько-сколько они стоят? По двадцатке одно дерево? Ба! Ну так забирал бы их с собой в Таиланд! Нет, я не смеюсь! Я работаю на другом конце города, живу там же, мне к тебе три часа добираться. Я не могу мотаться туда-сюда. Найми себе поливайку, или как там они называются… А! Экономку! Или жильцов пусти в квартиру! Да сам их ищи, где я тебе чистоплотных девушек найду, чтобы еще парней не водили. Нет, я за это не возьмусь…

Мои ноги будто приросли к ступеньке, на которой встал администратор. Я не могла сделать ни шагу, лишь смотрела в лицо мужчины с надеждой.

– Я! – вырвалось из меня. – Я все полью, каждый листочек фикуса протру. Дендрарий обзавидуется! И ни одного мужчину в дом не приведу, клянусь!

***

– Вау! Свет, мы будем здесь жить? Правда-правда?

Я боялась пройти дальше прихожей, а Юлька уже скинула обувь и бросилась изучать квартиру. Даже с моего места у двери было прекрасно видно, что это дом очень обеспеченного человека. Эркерные окна в зале, на кухне, светлые стены и пол, модная мебель. А еще просто лес деревьев метра по полтора в кадках!

– Тут спальня и зал! Можно я буду спать в отдельной комнате? Хотя бы через день, а? – Юлька прибежала обратно, схватила меня за руку и потянула за собой.

– Подожди! – Я скинула обувь.

– Кухня как наша комната! В туалете джаку-у-узи! – визжала от восторга Юлька, а вот меня это все больше и больше настораживало.

Такая квартира – и за десять тысяч в месяц? Что-то слишком сказочно. А что, если мы тут заснем, а нас продадут? Что, если так заманивают доверчивых девчонок?

Я схватила руку Юльки так крепко, что она обернулась и с тревогой заглянула в мое лицо.

– Уходим!

И стоило мне это сказать, как в дверь позвонили.

По коже пронеслись мурашки. Я поднесла палец к губам и шикнула, а потом на цыпочках прокралась к двери. Через глазок я узнала того самого администратора, который привез нас сюда и отдал ключи. Антона.

Совсем забыла, что он спускался к машине.

– Огляделись? – Антон поставил коробку на пол и как-то по-военному вытянулся по стойке смирно. А еще мне показалось, что он буквально жался к двери, стараясь держаться от меня подальше.

Наверное, это-то меня немного и расслабило. Я спросила:

– В чем подвох? Такую квартиру можно сдать за огромные деньги.

– Хозяин не нуждается в деньгах. Он нуждается в человеке, который все его эти фикусы на себя возьмет. Знаете, какая морока? Каждый день крути их, чтобы равномерно ветки росли, обрабатывай от вредителей раз в неделю, подкармливай, душ раз в десять дней. Если думаете, что мало, так вы мне еще скажете, что он доплачивать вам должен. Вы только загляните в коробку.

Я открыла крышку и с непониманием уставилась на целую картотеку пакетиков.

– Это стимуляторы роста, это от грибковых образований на листьях, это от гнили, это от вредителей… Вот подкормка от желтых листьев. А вот этот талмуд – расписание. Там у каждого растения свое имя есть и то, что ему полагается. Да я со своими сурикатами просто отдыхаю!

Я впечатлилась. Действительно, если этим фикусам требуется столько ухода, то цена приемлема.

– Я только хотела попросить дать мне отсрочку по деньгам до завтра…

– Деньги в конце месяца. А! Точно! Забыл! Есть одно выгодное предложение от хозяина квартиры.

Ага, а вот и подводный камень! Так и знала!

– Какое? – Я внутренне напряглась.

– Если будете ежедневно звонить ему по видеосвязи и показывать его деревья, то проживание абсолютно бесплатно.

– Серьезно? – взвизгнула от восторга Юлька. – Я беру это на себя!

Антон почему-то занервничал и поторопился оговорить условия:

– Это должен быть совершеннолетний съемщик квартиры.

У меня язык до сих пор к нёбу прилип от удивления. За ежедневные видео его кустиков мы будем жить здесь абсолютно бесплатно? Да легко!

– Я согласна!

– И хочу напомнить – никаких мужчин. Если требуется помощь сантехника, ремонтника или любая другая – вы звоните мне, и я все организую. По рукам?

– Да у меня тут даже ни один комар мужского пола не влетит!

Майконг

– Майк, я говорил, что Кира передавала тебе пламенный привет? – Никс выглядел помятым и недовольным. На широком плече облаченного в черную форму песца белело пятнышко детской смеси.

Двое друзей шли по коридору логова лис, чтобы встретиться со своей командой. Майконг открыл дверь, и в нем шевельнулось давно забытое чувство вины. В зале для совещаний на огромном столе спала команда лис.

Первым командира и его бывшего заместителя заметил Захар, который приоткрыл один глаз на скрип двери.

– Прилегли на час, наша вина, командир! – тут же вскочил он на ноги.

Восемь лисов за секунду встали в стойку смирно. Майконг обвел взглядом их мятые и заспанные лица и заметил Антона, который так и остался спать на столе. Бейсболка закрывала лицо, грудная клетка равномерно поднималась.

Умаялся, бедняга.

– Передай своей Неженке мои извинения. Ты уже пятый раз припоминаешь мне это. – Майконг устало потер глаза, которые только разболелись еще сильнее.

– Я твоей совести повторил. Кира с дочкой одна всю ночь провела, не спала, потому что у малышки зубы режутся. А я по городу с тобой всю ночь носился, как и команда. И зачем? За долбаными деревьями? Ты не мог придумать что-нибудь попроще? Дворовых котов там поймать, например?

– У нее могла быть аллергия на шерсть, а у нас была всего одна попытка, – покачал головой Майконг.

– Пытатель! – закатил глаза Никс.

Последняя неделя перед тестом и так вытянула все соки из команды, пока Майконг тренировался контролировать зверя, а тут еще добавочка.

– Я в долгу перед вами, ребята! Сегодня угощу вас хорошими стейками. Никс, следующую ночь я просижу у тебя в няньках. Сходишь на свидание длиною в ночь.

– По рукам! Но с тебя еще чистка салона. После этих кустов я смотреть на ковры не могу.

– И моей тачки!

– И моей!

– И…

– Понял! Комплексная чистка для всех!

Захар, самый молодой лис из команды, повел плечами так, будто по спине табун мурашек пробежал:

– Истинные – это так накладно! Планирую навсегда остаться холостяком. Сколько та квартира стоила?

– Денег она стоила. А вот кусты – нервов! – мрачно сел за стол Никс и сочувственно посмотрел на все еще дрыхнувшего Антона.

Эти фикусы оказалось действительно трудно достать. Только крупные садовые центры за транспортным кольцом могли похвастаться домашними деревьями в кадках. И максимум в каждом – по одному. Команда лис впервые проклинала Майконга в эту ночь. Даже когда его зверь раскидывал лисов на тренировках, они так не скрипели зубами от злости, как таща горшки этих жутко нетранспортабельных деревьев.

– Зато Майконг теперь специалист по ботанике! – Никс не мог упустить шанс поржать над другом. – Ребята, на день рождения дарим ему домашние кустики!

– Меня все равно отстранили от работы в команде из-за зверя. Должен же я как-то вырабатывать терпение? Вчера читал, что искусство выращивания бонсаев помогает постичь дзен. – В словесных пикировках Майка было не переиграть.

За эту ночь саванный лис действительно узнал о фикусах и их вредителях столько, сколько никогда не желал знать. Все сделал для того, чтобы все выглядело правдоподобно.

Майконг прекрасно знал принцип хорошего лгуна – проработанная до мелочей легенда.

Света

– Свет, я есть хочу… – Юлька оторвалась от огромного плоского экрана на стене и виновато посмотрела на меня. – А этот дядя говорил, что хозяину было жалко выкидывать продукты, что надо все есть или выбросить…

– М-м-м… – Я замялась. – Конечно! Сейчас посмотрю, что можно сделать!

Так и есть, Антон именно так и сказал. Вот только я уже видела содержимое холодильника. Любая другая девушка прыгала бы от счастья, что ей достались горы парного мяса и куча овощей, вот только загвоздочка была в том, что все это надо было готовить.

А у меня с этим больши-и-ие проблемы.

Мама считала кухню исключительно своей территорией, а готовку – таинством, в которое никто не смел вмешиваться. Даже подглядеть не позволялось, разрешено было только терпеливо ждать, пока еда ляжет по тарелкам.

Готовила, кстати, мама просто прекрасно. Помню, единственное, что папа расхваливал в супруге, так это ее стряпню. Она замечательно пекла, тушила, жарила и могла приготовить кашу буквально из топора.

Именно поэтому я сейчас смотрела на изобилие еды в холодильнике с немым отчаянием и думала, почему этот богатей не мажет паштет на хлеб или хотя бы маслице.

– Стейк хочу! Смотри, сколько мяса! Сможешь сделать, как в фильмах показывают? – Юлька шмыгнула мне под руку и встала впереди, восхищенно глядя на содержимое холодильника.

Сестренка повернулась ко мне и запнулась.

– Яичницу хочу, зачем эти стейки! – тут же нашлась она, взглядом нащупав самый безопасный, с ее точки зрения, продукт.

Ага, яичница… Ну что там сложного? Справлюсь! Не сложнее, чем аргоном варить.

Что там нам надо? Кастрюля отпадает, сковорода подойдет. Огонь включаем… Такой огонь подойдет же? Нет, надо побольше!

– Сколько яиц?

– Я такая голодная! Можно три?

– Конечно! – Я взяла ножик и легонько стукнула по скорлупке ножом – видела, так в фильмах делали.

Скорлупа чуть треснула. Тогда я стукнула сильнее, и тонкая кальциевая оболочка просто развалилась на части. Яйцо вылилось на сковородку вместе с частицами скорлупы.

– Ой!

Чтобы вытащить их, я обожгла три пальца. С другими яйцами я была уже осторожней.

Шипело жутко. А еще сразу запахло горелым. Не успела я достать тарелку, как края моего первого блюда почернели и стали заворачиваться.

– Вот же ж! – Я тут же погасила огонь, взяла лопатку и попробовала перетащить яичницу на тарелку.

– Пригорела, – шепнула Юлька из-за плеча.

Я кое-как отодрала яичницу от сковородки, и все внутри опустилось.

Было хорошо видно, что она не просто подгорела – она сгорела полностью.

Майконг

– Майк, откажись. – Никс преградил Майконгу дорогу.

– Нет. Я должен. – Саванный лис непоколебимо отодвинул друга в сторону за плечо и услышал, как песец чертыхается, чуть не свалившись. Поспешил извиниться: – Прости, силу не рассчитал.

Не только зверь Майконга вырос, но и его сила. С тех пор как он переехал от песца в свою новую нору, он разнес ее в пух и прах и спал в руинах. Похоже, его обновленный зверь просто не любил комфорта и старых друзей.

– Откажись. – Никс не отставал, поспешно шел к залу проверки в здании бывшего МСО – межкланового совета оборотней. – Контроль не имеет права ставить тебя в такие условия!

– Сам понимаешь, что они могут все. С тех пор как мы сами расформировали МСО, нас считают лишь кучкой кланов, а не единой силой, с которой надо считаться. В принципе, так и есть, сам знаешь. У нас каждый клан сам за себя, мы все еще не разработали единую систему. В руках контроля сейчас все козыри.

– Давай позовем всех глав… – Никс не собирался жертвовать другом, а саванный лис не хотел подставлять своих под удар. – Это верная смерть!

– Нет. Они уже раз поручились за меня своей головой. Большего я просить не могу. – Майконг по пути снимал с себя одежду.

– Но ты можешь не пережить этого экзамена. – Никс увидел, как Майконг двумя руками лихо открывает огромные двери, и застыл на пороге.

В саванного лиса полетели стрелы из арбалета. Пиу-пиу-пиу-пиу! Одна даже вошла в ногу, но саванный лис тут же обломал стрелу и повернулся к другу:

– Не в моих планах умирать молодым. В старости я хочу ходить в махровом халате, раскуривать сигару и держать в руках красоток с заячьими ушками.

И обернулся в зверя, на которого полетела огромная булава, подвешенная сверху.

Двери закрылись перед носом Никса, оставляя песца тяжело дышать снаружи помещения, где начался экзамен.

– Он забыл, что недавно попал с истинной? – тихо спросил Захар, стараясь разрядить обстановку. – Какие девчонки с заячьими ушками? Пусть оставит их мне!

Никс дышал так, что лакированная дверь запотела от его дыхания. За преградой слышалось рычание зверя, воздух свистел от летающих кинжалов. Песец даже мог поклясться, что слышал трескучий звук огня.

Майконга собрались проверять огнем, водой и медными трубами…

– Это последние трепыхания кобеля. Пусть потешит себя иллюзиями, – тихо прошептал Никс. Даже шутить громко не получалось.

***

Оборот Майконга в зверя произошел мгновенно. Серые когти проскрежетали по каменному полу и вскрыли пару квадратов крупной плитки.

И тут же перед глазами встал образ девушки, гася ярость зверя из-за ранения. Теперь он не только сам за себя, от него зависят еще беззащитные девочки, ему просто нельзя дать маху.

Оборотни из контроля поморщились от противного звука, а когда широко открыли глаза, то как один отступили назад.

Слухи, что зверь саванного лиса огромен, были даже преуменьшены. Он был просто гигантским! Прекрасным в своей красе и смертельно опасным.

Если в зале еще остались те, кто считал Майконга похожим на шакала и думал, что его не нужно бояться больше дворовой шавки, то они моментально передумали. Один взгляд лиса чего только стоил!

Острая морда зверя была относительно небольшой по сравнению с телом, а взгляд словно транслировал всему миру превосходство и хитрость. Будто говорил: не подходи – убью, вскрою одним когтем и даже не поморщусь.

Грациозные длинные лапы становились совсем черными к когтям, словно их окунули в чернила. Они легко несли лисье тело с шикарной графитовой шкурой со скоростью света. Вот он слева – и уже справа. Секунда – и он уже отскакивает от стены, раскурочивая лапами отделку. Больше Майконг не дал в себя попасть ни одной стреле, ни одному снаряду.

Когда Майк тренировался со своей бывшей командой, то зверь вел себя как хотел. Но здесь человек и животное словно были заодно, и Майконг впервые поверил, что сможет сладить со своей второй сутью. Общий враг, настоящий, который готов запустить стрелу не только в бедро, объединяет!

За десять секунд лис идеально отточил навык выбивать огромным когтем оружие из лап других оборотней. И даже не поранил никого, что было просто великолепно!

Майконг не верил своему успеху! Неужели он нащупал, как управлять зверем? Да так он пройдет тест!

Если никого не поранит, если вернется после такой провокации в человеческую форму, с него снимут жесткий контроль – таковы были оговоренные условия беспринципного испытания, в ходе которого Майконга могли атаковать чем угодно, чтобы удостовериться, что лис не угрожает миру.

А он справлялся на ура! Вот команда за него порадуется! Жаль, Света еще ничего про него не знает и не может разделить с ним радость от первого успешного управления зверем.

Майконг выбил последний пистолет из рук нападающего и застыл на середине зала в месте, где его не задевали летающие булавы.

Все? Он прошел? Можно принимать поздравления?

Ах да! Еще остается перевоплотиться обратно в человека! Как он мог забыть? Вот с этим может выйти прокол!

Ну же! Давай! Еще немного!

Майконг пытался уговорить зверя отступить. Приказывал ему. Чуть ли не умолял внутри, но животное отказывалось отдавать контроль человеку.

И тогда Майк воскресил образ Светы. Ее запах, вспомнил, как пальцами трогал текстуру ее платья, и вот тогда с телом наконец начались болезненные метаморфозы.

Майконга медленно крутило, сгибало, ломило, но все-таки он встал в людском обличье перед контролем.

Да! Это победа! С него скоро снимут все запреты, все ограничения!

И тут вдруг сразу с нескольких сторон оборотни пшикнули на него из флаконов, и Майку защипало ноздри и глаза. Репеллент от лис, мать вашу!

Двери неожиданно открылись, и в зал забежали четыре овчарки и зарычали на саванного лиса.

Оборот был неминуем.

Глава 4

Света

– Как хорошо, что отсюда твоя школа недалеко! Я даже не буду беспокоиться, что ты переходишь опасные перекрестки! – Я засунула ноги в кроссовки и провела расческой по ассиметричному каре.

Теперь мы с Юлькой были как из фотосессии «Мама и дочь», где они позировали в одинаковых платьицах и с одинаковой прической. Вот только одежда у нас разная, а так цвет волос и стрижка – один в один.

– Может, этот дядя навсегда останется в своем Таиланде, как думаешь? – Юля натянула рюкзак на плечи и нехотя поплелась к выходу.

– Это вряд ли. Сколько мы сегодня деревьев полили? – Я обернулась к фикусам, мысленно приказала им не болеть и открыла дверь.

– Пятнадцать. – Юльке нравилось их поливать. Пока нравилось…

– Вот! Разве кто бы стал так переживать, если бы переехал надолго? – Я вышла в коридор и почувствовала сквозняк. Дверь к балкону общего пользования была открыта настежь.

– А так хотелось бы. Мне там нравится. – Сестра мечтательно вздохнула, закрывая за меня дверь. – Можно я?

Я передала ключи, а сама осмотрелась. Странно. Что это за разводы, будто краску смывали? А это что? Кровь? И пахнет непонятно чем.

– А что, если нас выселят, Свет? – Юлька провернула ключ в замке на один оборот и замерла.

– Не думай о плохом. Я возьму подработки, накопим финансовую подушку и не будем бояться выселения! Как тебе? – Я заметила огромную царапину на стене и провела по ней пальцем.

– И я буду дома одна? – Второй оборот Юлька сделала очень медленно.

Я сразу приуныла. Подработки равно временны?м затратам, так уж заведено.

– Когда я смогу брать тебя с собой, то обязательно буду. Договорились? – Я бросила последний взгляд на открытую балконную дверь в конце длинного коридора и улыбнулась сестре.

– Да! – с радостью подхватила идею Юля. – Я у тебя еще ни разу не была. Мама не разрешала!

И тут вдруг сестренка приуныла, отвернулась.

– Ты чего? По маме скучаешь? – Я больше всего на свете боялась услышать просьбу отправить ее назад.

– Боюсь, что снова вернусь туда, – опустила голову Юлька. – Это плохо, да?

Я не хотела настраивать ее против мамы.

– Это твои чувства, которые ты испытываешь сейчас, они не могут быть плохими. Но они всегда могут измениться.

– А мама может? Может измениться?

– Посмотрим.

– Она тебе не звонила же?

Я погладила Юльку по голове, промолчав.

Не звонила. И это меня напрягало сильнее, чем сто звонков в день.

Я проводила сестру до школы, добралась до объекта, на котором в последнее время работали, и издалека увидела ажиотаж около бытовки.

Она была вся раскурочена так, будто в нее забрался слон. Слон с когтями.

Зал МСО

– Майконг прошел испытание! Он должен был выдержать тест на контроль и обернуться обратно, никому не навредив. Майк это сделал! – Никс практически коснулся лбом лба длинноволосого блондина скандинавской внешности.

– Да? И где же он? – обернулся лидер контроля. – А что это за дыра в стене? Не его ли зверь проделал? А собаки? Чудом остались живы, но им требуется помощь ветеринара. И это вы называете пройденным тестом?

Никс отстранился и махнул у блондина перед носом договором. Слава богу, Майк оставил его как раз на такой случай, будто знал, что понадобится. Песец указал обведенный пункт, добавленный по настоянию саванного лиса:

– Тогда пройдите такой же контроль собственного зверя. Здесь сказано, что испытание должно быть проходимо любым свободным оборотнем.

Нордический блондин заскрежетал зубами, и тут же его взгляд изменился. Похоже, теперь он стал считаться с командиром лис.

– Этого может потребовать от меня только глава клана или сам Майконг.

– Я сейчас официально замещаю нашего главу, так что призываю вас к ответственности.

Контролер обернулся на своих оборотней, подвигал челюстью и сказал:

– Не хочу разводить суету. Сейчас два часа ночи. Если Майконг не придет до полуночи человеческими ногами, зачтем ему провал теста.

Никс буквально зажал язык зубами, понимая, что если передавить, то можно вообще упустить шанс. Так песец хотя бы выиграл для друга время.

– Сами понимаете, если оборотень практически за сутки не может прийти в себя, то ему скатертью дорожка в мир иной…

Никс молча развернулся и сделал своей команде жест уйти.

На крыльце здания МСО песец спросил у Захара:

– Кто следит за Майконгом?

– Дело в том…

– Только не говори, что вы его потеряли!

– Не совсем так. Мы видели, как он полез по балкону на этаж дома, где снял квартиру той девушке.

Никс пошатнулся. Только этого не хватало!

– Не переживай! Видимо, он сам понял, что к чему, и быстро спустился вниз.

– Так, а потом? Где он сейчас?

– А вот потом мы его потеряли. Но судя по тому, что в сводках новостей не говорят о нападении монстра, он хорошо спрятался.

Никс наклонил голову, чтобы не показать лисам, как переживает за друга. Только прошептал:

– Черт, Майконг, надеюсь, ты придешь в себя, и быстро!

Майконг

Лисы терпеть не могут высоты, будь они хоть десять раз из спецотряда. Да, уже не так панически боятся оказаться выше второго этажа, но любоваться красотами города всегда предпочитают с земли, если другого не требует ситуация.

Сейчас ситуация требовала от Майконга спрятаться как можно лучше, но зверь окончательно ушел в протест и отказывался слушаться. Если от дома Светы его еще удалось уговорить уйти, то последнее место работы, где все пропахло ей, он категорически отказывался покидать.

У Майконга была одна надежда – что запах девушки успокоит зверя и он обретет над контроль над взбесившимся животным. Правда, стоит отдать должное неукротимой половине – сегодня зверь никого не убил, хотя очень хотел крови. Только лицо Светы удерживало его от того, чтобы намотать длинные патлы блондина на когти и проскрежетать им по полу.

Речи о двойном испытании не было! Это прямое нарушение договоренности!

И Майконг в который раз порадовался, что не верил в этой жизни никому. Никому, кроме Никса.

Но прошла ночь, пала смертью храбрых бытовка, а зверь все не унимался и отказывался и шагу ступить в более безопасное место. Когда послышался шум, Майконг, вместо того чтобы спрятаться на безлюдных верхних недостроенных этажах здания, вдруг сиганул в подвальное помещение.

И как же он был удивлен, когда туда спустилась и Света.

Видеть ее вживую, а не только чувствовать ее запах, оказалось мучительно сладко и невыносимо. Зверя словно опьянило, повело и потащило к девушке, и только чудом Майконг смог удержать себя на расстоянии.

Не подходи! Испугаешь! Сначала обернись!

Но когда Света взялась за сварочный аппарат, зверю пришлось ощутить настоящий шок. Жуткий звук, еще хуже – вспышки сварки, от которых так легко поймать солнечных зайчиков в глазах. И любимая девушка за такой сложной работой.

Ну и профессию же она выбрала! Сразу видно, что не ищет легких путей!

Майконг закрыл глаза и лишь слушал, как она дышит под маской, как двигается, старался не обращать внимания на остальные шумы. И все время повторял своему зверю, что подойдет и проверит, на месте ли кольцо, если тот обернется. Что ласково снимет защитную варежку со Светы, что поцелует тыльную сторону ладони и прижмет к себе.

В общем, врал безбожно сам себе! С три короба насочинял, а зверь лишь насмешливо фыркал. Не дурак, понимал, что Майконг никогда не подвергнет ее такому риску.

Запах из соседнего помещения, где занималась сваркой девушка, щекотал ноздри. Что это? Чем пахнет? Будто бы ничем, но так и действует на легкие.

Майконг услышал, как в середине дня Свете позвонили и чем-то жутко расстроили. Он даже услышал, как она тихо всхлипнула, а потом сказала:

– Не переживай. Я заберу тебя у нее.

А к вечеру что-то стало не то. Майконг сначала это почувствовал каким-то внутренним чутьем. С девушкой что-то происходило.

Ее помощники разошлись, она осталась одна и доваривала. А когда сняла маску, то пошатнулась.

Майконг быстро прокрутил в голове все, что знал о сварке, и этого оказалось ничтожно мало. Может, у нее какое-то хроническое заболевание?

Света покачнулась, и Майконг бросился к ней быстрее, чем успел сообразить. Ловя ее, теряющую сознание, на руки, спросил, глядя в закрывающиеся глаза девушки:

– Что с тобой? Скажи! Что мне делать? – Голос Майконга сорвался на крик.

Света неожиданно улыбнулась, глядя на него.

– Я… просто… надышалась… цинком… – еле размыкая губы, проговорила она. – Обычное дело…

И отключилась!

***

Света

Я открыла глаза и долго не могла понять, что это за место. Ночь, шелест листвы, белый потолок и тишина.

Голова кругом, будто пьяная.

Я привстала на локтях и медленно сообразила, где нахожусь. Наша с Юлькой съемная квартира с фикусами!

Окно было широко открыто, и летний ночной ветерок дразнил эти самые кустики. Кустики, за которые сегодня вечером я должна была первый раз отчитаться! Вот же ж, что-то я не припомню звонка.

Я резко села на диване и заметила на кофейном столике открытые пачки таблеток. Кто заболел? Почему я не помню?

И тут в ушах зазвучали слова Юльки: «Мама меня увела с собой после школы. Забери меня, Свет! Мне страшно! Она так орет».

Я тут же оказалась у двери в спальню, рывком открыла ее и не поверила своим глазам – на кровати мирно спала Юлька. Я даже подошла ближе, присела на краешек матраса и дотронулась до руки сестры. Посмотрела в ее безмятежное лицо и открутила время назад.

Утро, раскуроченная бытовка, работа в подвальном помещении. Сварка цинком, звонок Юльки. А потом? Что было потом?

Я посмотрела на свою руку. В темноте блеснул серебристый ободок кольца, и я, как завороженная, не могла отвести от него глаз. Все дело в том, что я вспомнила того, кто привиделся мне – тот герой из автобуса. Абсолютно голый герой!

Я легонько шлепнула себя по щекам:

– Таких тел не существует, это раз. Ему неоткуда там было взяться – это два. Отравление цинком, однако, не шуточки – это три.

Юлька сонно перевернулась с одного бока на другой, плотнее заворачиваясь в одеяло. А я поймала себя на том, что снова пытаюсь крутить ободок плотного кольца.

Что произошло потом? Кто купил лекарства?

Я вернулась в зал, залезла в сумку и пересчитала деньги. Все до копейки сходится! А лекарства нынче дорогие! Кто их купил? Пачки новые, значит, не соседка принесла!

И что самое главное – как Юлька оказалась дома? Неужели я сама отбила ее у матери и не помню этого?

Я села на диван, рассеянно хлопая ресницами. Совершенно ничего не понимаю! Не сходится!

***

Майконг

– Майк? Пришел в себя?! Отлично, старик! Гони сюда, тебе нужно появиться до полуночи, иначе твой зверь превратится в тыкву! – Никс так был рад слышать друга, что кричал.

– Не могу. Это телефон Светы, у нее отравление цинком. Мне нужна твоя помощь. – Майконг прижимал девушку к себе и не мог оторвать глаз от ее лица.

– Привезти Киру? – Саванный лис так и слышал, как после предложения у друга заработали в голове шестеренки в поисках решения, куда пристроить кроху-дочь.

– Нет. Спроси у жены, чем лечить отравление цинком, и отправь ребят по адресу, который я тебе скину. И пусть одежду мне захватят. И еще…

Майконг перевел взгляд на руку девушки, поднял ее и потрогал кольцо на пальце. Еще на ней. А он крепко тогда его посадил!

– Что? – настороженно уточнил Никс. Друг редко просил об одолжении, а тут сразу два подряд.

– Макс не вернулся?

– Нет.

– Тогда мне нужны братья Юрики. – Майконг потрогал лоб Светы и нахмурился – кажется, начинает подниматься температура.

– У тебя проблемы с законом?

– Нет. Нужно забрать сестру Светы от матери. Пусть припугнут ту тем, что суд может лишить ее родительских прав, так как она не трудоустроена. И дадут денег. – Майконг ни секунды не сомневался в распоряжениях.

С тех самых пор, как его зверь стал больше, он чувствовал, что ему стало тесно на вторых ролях – лидерские качества так и лезли во все щели. И это было непривычно, потому что он всегда предпочитал быть скитальцем-одиночкой.

– Ты уверен, что нужно давать ей деньги? Она же не успокоится.

– Да. Нужно посадить ее на иглу содержания, иначе она навредит Свете. А Юрики пока за это время соберут доказательную базу того, что дочь ей не была нужна. Уверен, имея деньги, она даже звонить не будет.

– А девчонки? Как они перенесут разрыв? – Никс все мерил по себе. В этом-то и проблема.

– Они сами ушли от нее. Захотят вернуться – сделаю все, чтобы это было для них максимально комфортно. А пока мое дело защитить их. – Майконг поднял Свету на руки и понес прочь из наполненного отравляющим цинком подвала.

– Обычно находят одну даму, о которой голова болит, а у тебя сразу три.

– Пока две. Надеюсь, что та адская дамочка так и останется за бортом. Все! Скидываю адрес и жду.

– Принято. Только пообещай мне кое-что.

– Что?

– Вернись до полуночи, покажись контролю.

– По рукам.

***

Света

В ангелов-хранителей, спустившихся на землю, я не верила. Они не покупали лекарства и не возвращали сестер.

На пальце все еще блестело кольцо, наличие которого я так упорно игнорировала эти несколько дней, когда были проблемы поважнее. Но что может быть страннее ситуации, в которой я оказалась?

В голову начали закрадываться сомнения, что все с моим сознанием было хорошо даже во время дымовой и цинковой атаки на легкие. Я видела мужчину, потом зверя. А потом абсолютно голого того же самого брюнета.

Юлька только подтвердила мои мысли. Она рассказала, как к маме пришли два близнеца и очень уверенно что-то разъяснили по правам. Давили на то, что у матери нет работы и денег на содержание несовершеннолетнего ребенка. Угрожали, что я – я! – подам в суд и лишу ее родительских прав.

Я никаких юристов не нанимала. Не посылала их к матери. Не просила привезти сестру.

– Это было так круто, Свет! Твои друзья такие классные! – восхищалась Юлька утром, собираясь в школу.

А я все смотрела на лекарства.

Этот брюнет точно существовал. Он помогал тогда вытащить людей, и теперь я полностью уверилась, что он действительно стал зверем у меня на глазах, как бы бредово это ни звучало. Тогда все его поведение становилось логичным. Он, как чудовище, боялся показать свой облик.

Кольцо – лучшее тому доказательство. И лекарства. И сестра дома.

Но такая теневая забота очень пугала. Чего от него ожидать?

«Мне нужно в любое место, подальше от вас. Вы свободны сегодня вечером?» – всплыли в голове слова героя.

Он продолжал быть таким же противоречивым.

В дверь позвонили.

Я открыла дверь и увидела нордического блондина.

– Вам лучше? – с неловкой улыбкой спросил он.

– А?

– Вы меня не помните? Вы вчера потеряли сознание около квартиры. Я взял на себя смелость поухаживать за вами. – Блондин мило сложил руки перед собой, будто стеснялся. Смешная поза для такого крупного мужчины.

В дверную щель выглянула Юлька.

– А это, наверное, та самая сестра, за которую вы так переживали. Я рад, что с ней все в порядке, – улыбнулся ей незнакомец.

Я растерянно открыла и закрыла рот, а потом торопливо спросила:

– Так это вы меня спасли? И сестру? Но… как?

– Вы все повторяли в бреду, что вам нужно спасти Юлю. Я узнал адрес и попросил одних своих знакомых навестить ее.

А я-то уже надумала! Да что говорить – поверила в оборотней! Не зря говорят, что профессия у меня опасная – надышаться всего можно в три счета.

– Нам не удалось тогда познакомиться. Я Алрик.

– Вы не отсюда?

– Я из Швеции. Здесь с дипломатической миссией.

– Вы отлично говорите по-русски.

– Потому и здесь. Если что понадобится – обращайтесь. Я в семьдесят восьмой квартире.

– Хорошо… И… Спасибо!

– За что?

– За все!

Я закрыла дверь и привалилась к ней спиной. Вот все и сложилось. Все имеет свое объяснение. Все, кроме кольца на пальце.

***

Майконг

– Ну что, Золушка, в этот раз ты успел до полуночи. Но еще бы пять минут… – Никс показал на свою голову. – Если бы я не был блондином, ты бы увидел, как я за вчерашний вечер поседел! Что бы я тогда говорил Кире?

– Что сменил шкуру? Шучу! А насчет этого – я не Золушка, меня в полночь не расколдуешь. – Майконг вошел в тренировочный зал лисьего логова, убедился, что там никого нет, и спросил: – Тебе не показалось странным, что контроль как-то легко сдался?

– Есть такое. – Никс швырнул ветровку на мат.

– Может, устроим их пропажу? – Майконг изменил палец, и вместо него появился огромный серый коготь. Оборотень со свистом рассек им воздух.

– Как ты это сделал? – Никс тут же оказался рядом. – У тебя прогресс!

– Ага, размером с ноготь! Знаешь, как появился?

– Как? – Никс был рад за друга. Наконец-то какие-то результаты.

– Когда коробку с лекарствами по-человечески не смог открыть. Там такая липкая лента, что только ножницами разрезать. Я боялся разорвать всю упаковку, и появился коготь – достижение нашей со зверем ювелирной работы.

– И это ты только немного с ней побыл. Слушай, может, она твой выход для соединения со зверем?

– Тогда мне стоит прямо сейчас пойти к ней, признаться, что я ее благодетель, и сказать, чтобы она бросала свою жутко опасную работу и стала моим… –

Майконг защелкал пальцами в воздухе, подбирая слова.

– Вдохновением? – предложил Никс, закатывая рукава.

– Смирением! Так себе это представляешь? – Майконг снял футболку, зная, что одежда все равно на выброс.

– А что? Я верю в тебя. Если бы не верил, не просил бы сегодня с дочкой посидеть.

Майконг застыл.

– Посидеть?

– Ты обещал, помнишь?

Саванный лис с сомнением протянул:

– Может, попозже, а то со зверем вот…

– Все нормально. У меня дома стреляющего в тебя контроля нет. Тем более, насколько я помню, сегодня вечером тебе позвонит Света…

– Фикусы. – Майконга перекосило от противоречивых эмоций. С одной стороны, эти кусты калили его до красноты, с другой – он был рад шагу вперед в его отношениях со Светой. Малюсенькому прогрессу, но это уже было что-то.

– И ты мне предлагаешь отвечать на звонок с плачущим младенцем на фоне?

– Я тебе еще не говорил, какая моя девочка особенная?

– Что?

– Когда у нее болит животик, она оборачивается в маленькую полярную лисичку.

– Но это же невозможно! Зверя обретают гораздо старше…

– Твой зверь тоже противоречит всем законам природы. И ничего!

***

Света

Юлька проснулась, но так и не смогла поделиться подробностями разговора у матери. Просто сказала, что вчера вечером пришли какие-то дяди, а ее попросили посидеть в комнате. Что-то из беседы удалось разобрать, но далеко не все. Когда сестру увозили, мама выглядела так, будто ее оскорбили счастьем. Представить это я затруднялась, но радовалась главному – Юлька вернулась. Что там до мелочей?

Мы быстро уничтожили бутерброды, ингредиенты для которых я купила вчера перед работой. Порадовались, что с последнего похода в магазин еще остались полуфабрикаты – Юльке будет чем обедать! – и с грустью посмотрели на мясо.

Уже на работе снова раздался звонок, и у меня сердце екнуло от тревоги. Ведь Юля уже предупредила, что пришла домой. Что случилось?

– Свет, фикусы! – Голос сестры дрожал.

– Что фикусы? – Я вся напряглась.

Неизведанное всегда пугает. Но где наша не пропадала?

– Они кучу листвы сбросили, все сразу! – выкрикнула Юля.

– Все? Не один, а сразу все? А ты что-то делала? – Я почувствовала запах неприятностей.

– Поливала только, как все эти дни. Я зашла в комнату, а тут такое.

Так, спокойно, нужно подумать. Заболеть может один, так? Почему все начали кидаться листвой?

– Может, потому, что осень? Они листопадные? – предположила я.

– Не знаю, – всхлипнула Юлька.

И я не знала. Ведь во время дурдома, который происходил в моей жизни, я так и не удосужилась прочитать тот талмуд в коробке. Доверила изучить информацию о поливе сестренке в свободное от уроков время. Но добралась ли она до заветных знаний?

– Юль, а ты читала те книжки по фикусам? – осторожно спросила я и по тишине в ответ все поняла.

Действительно, что я хотела? Десять лет – это еще ребенок.

– Прости… – послышалось в мобильном.

– Не бери в голову! Разберемся. Ты пока ничего не убирай, считай это вещественными доказательствами. Хорошо? – загадочным голосом попросила я, и Юлька сразу перестала всхлипывать.

– Уликами, как у сыщиков? – подхватила она.

Так я и знала, что Юлька зря смотрела так много детективных сериалов. Зато я могла ее чем-то отвлечь!

– Именно. Я приду домой и разберусь! – уверенно заявила я, хотя ни черта не представляла, как решу проблему.

По жизни у меня такой принцип: разберемся на месте.

– А я пока почитаю про фикусы! – поддержала моя милая сестренка.

Все-таки она у меня замечательная! Чаши весов всегда уравновешиваются: если с мамой нелады, то сестра досталась прекрасная.

– И про уроки не забудь, – напомнила я с улыбкой.

– Конечно!

Вечером я торопилась домой, благодаря небеса за выделенную полосу общественного транспорта. Сегодня у нас созвон с хозяином этого фикусового леса, а у меня там чрезвычайное происшествие! Как показывать кусты буду? Нужно срочно оценить масштаб катастрофы. Вдруг там пара листиков упала, а Юлька паникует?

Но когда я зашла в квартиру, то поняла, что не пара. Вокруг пятнадцати кадок зеленым ковром лежали скрученные листья. На ветках болталась еще добрая половина, но фикусы заметно облысели.

***

Майконг

– Целый пакет? – Никс отступил в глубину дома в лисьем логове, пропуская друга внутрь.

– Да. – Майконг вплыл в апартаменты Никса, словно темная грозовая туча. Вместо громовых раскатов он шуршал пластиковым пакетом, доверху набитым продукцией детского продовольственного отдела.

Когда саванный лис нервничал, он лакомился детским пюре в мягкой упаковке. Фруктовая вкусняшка не сильно успокаивала нервы, но помогала никого не убить. Это была маленькая секретная слабость Майконга, которую он не смог скрыть от команды рыжих, но старался не показывать миру. Где это видано, чтобы взрослый мужик с таким удовольствием уничтожал то, что едят годовалые дети?

– Нервничаешь из-за Олеськи или Светы?

– Комбо! – хмуро выдавил Майконг. Мало того что ему придется иметь дело с маленьким лисенком, так еще сегодня состоится звонок со Светой.

Конец ознакомительного фрагмента.

Купить: https://tellnovel.com/bulanova_natal-ya/oboroten-po-ob-yavleniyu-maykong

надано
Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: Купити